

старшая Эдда

ПЕСНИ О БОГАХ

В ПЕРЕСКАЗЕ ИЛЬИ БОЯШОВА

Эпосы, легенды и сказания

Старшая Эдда. Песни о богах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66611242

Старшая Эдда. Эпос: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина»;

Санкт-Петербург; 2021

ISBN 978-5-8370-0768-2

Аннотация

Перед вами первое и пока единственное прозаическое переложение знаменитого скандинавского эпоса «Старшая Эдда», сделанное известным писателем Ильей Бояшовым. Теперь этот литературный памятник, еще недавно представлявший интерес исключительно для специалистов, вышел за рамки академического круга и стал доступен самой широкой аудитории.

«Старшая Эдда» стоит в одном ряду с такими эпосами как «Илиада» и «Махабхарата». Несмотря на то, что «Эдда» дошла до нашего времени в виде разрозненных частей, ее «Песни о богах» и «Песни о героях» сыграли колоссальную роль в развитии западноевропейской литературы. Востребован эпос и сегодня – достаточно обратиться к творчеству столь популярных писателей как Джон Толкиен и Джордж Мартин, чтобы убедиться в этом. Именно благодаря «Эдде» в обиход современной фантастики вошли такие существа как эльфы, гномы, тролли, кобольды и боги Асгарда.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Краткое предисловие пересказчика	5
I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Старшая Эдда. Эпос Песни о богах

В пересказе Ильи Бояшова

Светлой памяти М. И. Стеблина-Каменского

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

© Илья Бояшов, 2020

© ООО «Издательство К. Тублина», 2020

© А. Веселов, иллюстрации, 2020

Краткое предисловие пересказчика

Сразу замечу: ознакомить читателя, не имеющего представления о древнескандинавской мифологии (а именно на такого читателя и рассчитана эта книга), с выдающимся памятником северных сказаний «Старшей Эддой» – крайне трудная задача. Ведь в отличие от других эпосов «Старшая Эдда» представляет собой разрозненные куски текста, которые ничего не скажут впервые открывшему её человеку. Песни «Эдды» зачастую обрывочны, иногда в них отсутствует логическая связь, местами они «зашифрованы» и совершенно непонятны нашему современнику, если, конечно, он не является специалистом в области эддической поэзии и скандинавской истории.

И тем не менее, наверное, не случайно, что именно из этой трудной в прочтении и понимании, небольшой по объёму книги, словно из крохотного семени, на радость всем любителям историй про эльфов, троллей, орков и гномов выросло впоследствии пышное древо западноевропейской фантастической литературы. «Эдда» незримо присутствует и в сказках Ганса Христиана Андерсена, и в гигантской эпопее Толкина, в которой явно просматриваются все элементы древнескандинавских мифов, записанных десять веков на-

зад неизвестными авторами эддических песен. Судя по увеличивающемуся с каждым годом объёму подобного «фэнтези», «Старшая Эдда», пожалуй, единственный в мире эпос, оказывающий столь огромное влияние на сегодняшнее творчество в области живописи, литературы, мультипликации и кинематографии. Вот почему, на мой взгляд, с «Эддой» обязательно нужно соприкоснуться не только тем, кто любит сказки, но и тем, кто хочет ознакомиться с одним из важнейших истоков современного западноевропейского искусства, – хотя бы потому, что «Эдда», наряду с исландскими сагами, является безупречным образцом литературного текста, которому, пожалуй, могли бы позавидовать и Борхес, и Хемингуэй.

Мир викингов, в котором создавалась и записывалась «Эдда» (IV–XII вв.), был чрезвычайно жесток и бескомпромиссен. То было время завоеваний, кровопролитий и самого беззастенчивого грабежа. Остаётся лишь удивляться тому, что именно в этой реальности, где, казалось бы, нет места ничему святому, на родине беспощадных морских разбойников, зародилось напитанное, словно губка, метафорами, столь образное и поэтичное сказание. В «Эдде» скупое и суровое повествование о богах и людях самым удивительным образом соседствует с художественной выразительностью и красотой поэтического высказывания, а что касается фантазии древних скандинавов, она и вовсе поражает своей безграничностью: чего только стоит созданное ею вселен-

ское дерево Иггдрасиль, на ветвях и в корнях которого расположились, соприкасаясь друг с другом, государства альвов, асов, великанов, людей и карликов. Волшебные посохи, удивительный молот, Железные Рукавицы, золотые ожерелья, радужный мост, восьминогий конь, змеи, драконы, ведьмы, страна мёртвых, Мировая Бездна, пирующие в Вальхалле воины, воинственные валькирии, мудрые вороны, кроважидные волки, мужественное противостояние героев их собственной трагической судьбе – всё это реалии «Старшей Эдды», в которой почти что евангельское пророчество о конце света заканчивается провозвестием нового, справедливо-го бытия.

Бессмертный эпос древних скандинавов состоит из двух частей: «Песни о богах» и «Песни о героях». И если в «Песнях о богах» торжествует именно былинное, мифологическое начало, то некоторые «Песни о героях», несмотря на всю свою фантастичность, имеют чёткую историческую подоплёку, что роднит их с исландскими сагами, то есть подробными описаниями тех событий, которые происходили в действительности. Кроме того, «Песни о героях» самым непосредственным образом перекликаются с древнегерманским эпосом, прародителем самой «Эдды», повествующем о знаменитом кольце Нибелунгов, и включают в себя тех же персонажей и те же истории. Так как германский эпос о Нибелунгах выходит в этой серии отдельной книгой, я решил ограничить знакомство читателя с «Эддой», предложив свой

пересказ её первой части – пожалуй, самой познавательной и интересной с художественной точки зрения.

Ещё раз признаюсь: задача была крайне трудной. Все мы с детства помним, как с увлечением из раскиданных кубиков, на которых были наклеены разрозненные части изображения, собирали целостную картинку (подобным делом занимаются любители составлять пазлы). Песни «Эдды» для меня оказались теми самыми «раскиданными кубиками». Для того чтобы читатель, впервые соприкоснувшийся с эпосом скандинавов, увидел целостную картину, «кубики» необходимо было собрать в нужном порядке. Но так как несколько необходимых для этого «кубиков» в «Эдде» попросту отсутствуют (я уже упоминал о том, что в некоторых местах песен логическая связь прерывается, из-за того что связующие звенья безвозвратно утрачены), пришлось «создавать мостики», то есть включать собственное воображение. Утешался я тем, что в любой эпос пересказчик может привнести собственное видение той или иной его части, ибо любая легенда («Эдда» не исключение) – продукт прежде всего коллективного творчества. Кроме того, при составлении «пазлов» я нередко прибегал к подсказке, которую давала мне «Младшая Эдда» Снорри Стурлусона – ещё одна удивительная книга, повествующая о скандинавских богах, – тем более что «Младшая Эдда» по сей день является единственным источником мифов, лишь вскользь упомянутых в «Старшей Эдде» и более нигде не сохранившихся.

Надеюсь, знатоки скандинавской мифологии простят меня за вольности в моём пересказе и за отход от канонического текста. Главная цель, которую я ставил перед собой, состоит прежде всего в том, чтобы заинтересовать впервые столкнувшегося с «Эддой» читателя её бессмертными песнями, привить ему любовь к этому удивительному памятнику человеческой фантазии, заразить его приключениями великанов, богов и людей. А дальше, если, заинтересовавшись, читатель сам начнёт штудировать первоисточник, ознакомится с трудами специалистов, вникнет во все сложности эддической и скальдической поэзии, состоящей из крайне запутанных и не до конца расшифрованных кеннингов, пусть тогда он и решает, где я прав, а где нет, – главное уже будет сделано.

С уважением к тем, кто откроет эту книгу,

Илья Бояшов

I

Прорицание Вёльвы

Седобородый бог Один, именуемый людьми и другими богами Высоким, на своём коне, быстроходном Слейпнире, отправился в Хель – царство мёртвых – к Вёльве-колдунье узнать, каково будет его, Одина, будущее, равно как и будущее всех людей и богов.

По дороге встретил он пса, бежавшего из Хель: у пса была грудь в крови. Долго лаял пёс на Одина – то был недобрый знак. Тронув поводья Один и отправился дальше, к мрачной долине, к Чертогу Смерти. На восток от его ворот повернул

Высокий коня туда, где, как он ведал, была могила вещуньи. Подъехав к могиле и сотворив заклинания, добился Один того, что восстала Вэльва. Повея мёртвыми очами, ведьма спросила:

– Что за воин повелел мне встать из гроба? Заносил меня снег, дождь мочил, покрывала меня роса. Сто лет я уже мертва.

Ответил Седобородый:

– Имя мне – Один. Я приехал спросить о том, что грядёт. Вот тебе от меня дары. Расскажи о конце богов!

Долго думала ведьма, а затем согласно кивнула. Высокий дал ей ожерелья и кольца – всё, что пожелала старуха, – и приготовился выслушать. И вот что поведала Вэльва богу викингов:

В самом начале времён
Земли ещё не существовало.
Не было ни травы, ни неба, ни звёзд,
Ни песка, ни моря.

Высокий не удивился тому, ибо не хуже колдуньи знал: не было на заре времён ни травы, ни неба, ни песка, ни моря, ни звёзд – один лишь Тёмный Мир существовал в то время, и откуда произошёл тот Мир – неведомо даже Вэльве. В середине же Тёмного Мира бил струями поток Кипящий Котёл, из которого вытекает и поныне множество рек. Затем на юге возникла страна – имя ей Муспелль, или страна огня:

там всё горит и пылает (в той стране поселился впоследствии Сурт – великан, в руке которого змеится огненный меч, – на краю той страны по сей день точит Сурт зубы на Одина и его удачливых родичей, но до поры до времени затаился). Знал Высокий и о том, что когда ядовитые реки Тёмного Мира удалились от своего истока, то превратились в лёд. Яд из них выступил росой на льду, затем оказался инеем, и заполнил иней, слой за слоем, всю Мировую Бездну. На севере Бездны всё было в инеистом плену, а на южной границе, куда долетали искры из Муспелля, царили дожди и ветры. И если из Тёмного Мира стеною надвигался холод, то страна огня отвечала жаром.

Спела старуха, обратив свой взор внутрь себя:

Был рождён Имир,
Отец великанов, покрытых инеем.
Лёд Тьмы породил Имира,
От того и пошла его жестокость
И жестокость его детей.

И Высокий не удивился тому, ибо знал: столкнувшись с жаром, иней стал таять: на месте соприкосновения инея и огня был сотворён великан. Прозвали его Имир. Из растаявшего льда вслед за Имиром появилась корова Аудумла, из вымени которой потекли четыре молочные реки. Корова вскормила этим молоком великана. Увы, исполин был злобен, как волк. Однажды, заснув, он вспотел, и под левой рукой, плот-

но прижатой к подмышке, от горячего пота у него родились сын и дочь. Когда же одна нога Имира потёрлась о другую, от трения зародились у него ещё сыновья – чудовищные, нравом похожие на отца. Так стал Имир прародителем инеистых великанов, длинные волосы и бороды которых настолько густо покрыты инеем, что кажутся белыми. Ярость и ненависть к миру богов переполняют их, и в борьбе с ними не знает Высокий ни сна, ни отдыха.

Что касается Аудумлы, то, чтобы утолить свой голод, лизала она солёные камни. На исходе первого дня на валуне, который полизала корова, сквозь плёнку соли проросли человеческие волосы. Когда она полизала камень на второй день, то к вечеру валун превратился в человеческую голову. Стоило ей на третий день слизать соль уже с человеческой головы, как возник человек: статный и красивый. И назвали его Бури. Впоследствии от Бури родился Бор, муж не менее статный, с правильными чертами лица. Бор взял себе в жёны Бестлу – плодовитую дочь великана Бёльторна – и вскоре стал отцом Высокого. Кроме Высокого, великанша родила Бору ещё двух сыновей: Вили и Ве. Старшим над собою Вили и Ве признали Одина. Имир и порождённое им племя инеистых великанов принялись чинить сыновьям Бора великие беды, отчего те решили убить прародителя зла. Посреди первобытного хаоса схватились братья с Имиром и одолели его. Из ран злодея вытекло столько крови, что в ней потонуло великое множество великанов. Остались жить лишь еди-

ницы, которые скрылись в Нифльхейме – стране холода.

Спела Вёльва, напоминая о том времени:

Помню: ещё до того, как родилась земля,
В гроб положили Бергельмира.

Высокий кивнул. Великан по имени Бергельмир, что значит «ревуший словно медведь», со всей своей семьёй укрылся высоко в горах, в одной из пещер, и спасся, создав новое племя исполинов, которых называли ётунами, или турсами. После смерти Бергельмира его сыновья, поселившиеся в стране ётунов – Ётунхейме, – взялись угрожать трём братьям, и война богов с турсами и инеистыми великанами сделалась бесконечной. Что же касается Имира, то, поднатужившись, Высокий, Вили и Ве сбросили мёртвое тело врага в глубину Мировой Бездны. Из развалившейся плоти исполина была создана земля, из костей его образовались великие горы, а валуны и камни произошли от раскрошившихся после падения зубов. Из волос поверженного выросли обширные и густые леса. Кровь убитого стала океаном. Подняли Высокий, Вили и Ве огромный череп Имира и создали из него небосвод. А мозг его разбрызгали по небу, и получились облака.

Но на сотворённом ими небе ещё не было никакого порядка. Спела старуха:

Солнце не знало ещё,

Что ему делать и где обрести пристанище,
Звёзды не сияли,
Месяц не светил.

Высокий кивнул: он помнил и это! Жил на свете великан Нарви. Дочь Нарви, сумрачную от рождения, прозвали Ночью. Три раза выходила она замуж. В третий раз вышла Ночь за бога Деллинга и родила ему сына, которого назвали Днём. И тогда Высокий позвал Ночь и её сына, дал им двух коней и две колесницы и послал на небо с указанием раз в сутки объезжать всю землю. С тех пор всегда впереди едет Ночь. Её жеребца зовут Хримфакси, или Инеистая Грива: каждое утро на землю падает пена с его удил. Конь Дня зовётся Скинфакси, или Ясная Грива, так как сияние его гривы озаряет землю и воздух.

Поначалу ночью было очень темно. Тогда Один, Вили и Ве принялись ловить искры, долетающие из страны огня, помещая их на небосвод. Пойманных искр оказалось великое множество: вот почему загорелось и великое множество звёзд. Однако не доставало на небе двух самых ярких светил. Боги исправили это так: жил в те времена великан Мундильфари; дочь его звали Соль, что значит «солнце», а сына – Мани, что значит «месяц». Гордыня дочери великана дошла до того, что она осмелилась отвергнуть самого Одина, посчитав, что Высокий для неё не слишком красив. Сын великана Мундильфари тоже не отличался скромностью. Раз-

гневанный Один выкрал тех детей и заставил их ездить на колесницах по небу: Солнце – днём, а Месяц – ночью. Коней Солнца зовут Ранний и Проворный: под их дугами Один повесил по кузнечному меху, чтобы была им прохлада. С тех пор быстро несётся по небу на колеснице Солнце, а всё оттого, что нагоняет её преследователь – волк по имени Обман. Имя же другого волка, который, находясь впереди Солнца, бежит за Месяцем, – Ненавистник, и Солнце всегда видит его серую спину. Волки эти были порождены одной злобной великаншей и до скончания века бегут за светилами, стараясь их проглотить.

Что же касается времён года, то Лето породил бог Свасуд, или Ласковый, который приятен нравом и ведёт безмятежное существование, а отца Зимы, напротив, зовут Виндсвалем, то есть Холодным, – этот бог жестокосерден и мрачен.

Что касается людей, то однажды шли сыновья Бора берегом океана и увидели два дерева – иву и ясень. Срубили они те деревья, вдохнули в них душу и сотворили из них людей. Затем, посоветовавшись, назвали мужчину Ясенем, а женщину – Ивой. И дали им одежду – так пошёл род людской.

Что касается богов – асов и ванов, – то появились асы и ваны ещё в незапамятные времена. Многие из них произошли от союзов Одина с богинями и великаншами, а некоторые ведут свой род от ётунов. Один, сын Бора и Бестлы, всех их знатнее и старше и по праву носит имя Всеотца. Как ни могущественны другие боги, все они перед ним словно дети

перед отцом. Один известен и под многими другими именами: Отец Всех Павших, Бог Всех Повешенных, Бог Богов, Бог Ноши, Создатель Рун, Седобородый, Хитрый, Уверенный, Мудрый, Коварный, Многоликий, Воинственный. Он взял себе в жёны богиню Фригг, о которой речь ещё впереди.

Первым сыном Высокого от союза его с великаншей по имени Земля стал самый могучий ас, в бесстрашии способный соревноваться с отцом, а по силе своей превосходящий всех других асов. Всеотец назвал его Тором, или Громом. Имел Тор рыжие волосы – видно, во время зачатия аса на его мать упал солнечный луч. Называли Тора ещё Страхом Исполинов – никого так не боялись ётуны и инеистые великаны, как самого страшного своего противника, готового без усталости вступать с ними в схватку. И не было им от первенца Одина никакой пощады: постоянно находился он в походах, смело наведываясь в Нифльхейм и Ётунхейм, пересекая вброд реки и перемахивая через самые скалистые горы. Многих великанов Тор отправил к богине смерти, поражая их мечом и проламывая им головы огромными камнями. Когда Тор хохотал, то смех его был подобен горному обвалу, когда же сердился – от его рыка шатались самые крепкие скалы. В ярости он способен был сотрясти само небо, но впадал в неистовство только при виде чудовищ. Что же касается людей, ас редко сердился на них, снисходительно относился к людским слабостям и старался оберегать женщин и детей.

У Тора была повозка, запряжённая двумя козлами. Имя

одного из козлов – Скрежещущий Зубами, а другого – Скрипящий Зубами, и когда бог ехал на своей повозке по небу, она вызывала громы и молнии. Проливались следом за громяющей колесницей Тора обильные дожди, вот почему люди побаивались аса, несмотря на то что он являлся им самым надёжным защитником.

Любимец всех богов Бальдр был сыном Одина от жены его Фригг, и никого так не привлекал Всеотец, как Бальдра. Боги признавались: второй сын Высокого лучше всех их, вместе взятых. Бальдр был юн и прекрасен лицом, тело его было совершенно, от него исходило благоухание, и отличался он настолько кротким нравом, что никогда ни на кого не поднимал руку, умел мирить ссорящихся и прекращать даже самые жестокие распри. Не случайно, что сын Бальдра и его любимой жены Нанны – Форсети – имел природную склонность к судейству и боги часто обращались к нему за советом.

Ас по имени Видар, также сын Высокого, уступал в силе разве что Тору и носил толстые башмаки, сделанные из обрезков кожи, которые бросают люди, работая над своей обувью. Видар собственноручно сшил свои башмаки, не побрезговав подобрать те обрезки.

Его брат Вали славился своей способностью метко стрелять из лука и бросать копьё точно в цель. Но более искусным лучником среди богов по праву считался Улль, сын богини Сив, жены Тора, и пасынок Рыжеволосого.

Ещё одним асом был Тюр – смелый воитель, не лишённый

ума и обладающий завидным спокойствием, – люди почитали его как мудреца и искали его расположения, так как он помогал побеждать в бою.

Среди богов жил и ас по имени Браги – этот славился красноречием и ораторским пылом. Особенно же Браги оказался искусен в поэзии: не случайно люди называли поэзию его именем, а также нарекали именем аса тех, кто становился настоящим скальдом. Жена Браги, Идун, хранила в своём ларце драгоценные молодильные яблоки. Те из богов, кто чувствовал приближение старости, непременно наведывались к Идун и отвеदывали волшебного лекарства: тотчас вновь они молодели и на долгое время забывали о сокровище. Относились асы к источнику своего долголетия весьма легкомысленно, и из-за этого чуть было не случилось с ними беды.

Бога по имени Хёд, слепого от рождения, но, как Тор и Видар, чрезвычайно сильного, все асы жалели и уважали.

Бог Хёнир, частый спутник Одина, также пользовался всеобщим уважением: именно он наделил первых людей разумом и пониманием и, кроме того, имел дар прорицания.

Светлый бог Хеймдалль, называемый Белым Асом, родился от девяти дев, которые приходились друг другу родными сёстрами, и звали его ещё Золотозубым, ибо зубы Хеймдалля были сотворены из чистого золота, и стоило лишь улыбнуться богу, всё вокруг освещалось его улыбкой. Будучи прирождённым стражем и обладая даром постоянного

бодрствования, Хеймдалль охранял сон асов. Благодаря своему дару, а также храбрости и хладнокровию он не раз спасал богов от нападения великанов. Говорили, что слышит он, как растут травы на земле и шерсть на овцах. О его неподкупности ходили легенды. Благодаря зоркости Хеймдалля асы могли спокойно отдыхать и набираться сил, не держа постоянно подле себя оружия. Белый Ас обладал ещё одной особенностью, которую некоторым богам не лишне было бы у него перенять, а именно: никогда не лукавил и всегда говорил правду, какой бы горькой она ни оказывалась. Вот почему открыто ненавидел Хеймдалль сына лжи и обмана – аса по имени Локи.

Локи зачали великан Фарбаути и некая Лаувейя. Внешне Локи был очень красив, но с самого детства выказывал злобный нрав и крайнюю мстительность: в коварстве он превзошёл и людей, и асов, даром что в нём текла тёмная кровь ётуна. Не оказалось во всём свете более изворотливого бога, падкого на всякие гадости. Обладая даром двуличия, Локи легко втирался в доверие и к великанам, и к богам, не брезговал иметь дела с самыми мерзостными чудовищами и охотно брался за всякие щекотливые поручения, которые асы с радостью перекладывали на его плечи.

Не было бога, включая самого Всеотца, которого не пытался бы обмануть Локи. Повсюду шнырял он, разнося слухи, нашёптывая на ухо то одному, то другому сплетни, без конца смущал всех своими дерзостями, и большей частью

именно из-за его проделок асы часто попадали в скверные истории, выход из которых подсказывал опять-таки Локи. Виноват он был и в похищении Идун. Вот как обстояло дело: однажды Локи путешествовал по миру вместе с Одином и Хёниром. В тот злосчастный вечер боги расположились на ночлег и жарили на костре быка. Они переворачивали его, пропекая со всех сторон, вот только мясо всё не жарилось, а голод нарастал. Время шло, напрасно подбрасывали асы в огонь огромные деревья – они спалили уже целую рощу, но туша по-прежнему оставалась сырой. Наконец, совсем отчаявшись, решили боги бросить бесполезное занятие и лечь спать голодными. Вдруг с нависавших над ними дубовых ветвей раздался голос. Голос этот принадлежал огромному орлу. Орёл сказал, что мясо изжарится лишь тогда, когда странники решат угостить и его. Высокий пригласил орла разделить с ними трапезу, бык тотчас прожарился, и орёл, махая громадными крыльями, принялся с жадностью клевать мясо, вырывая из туши большие куски. Локи это не понравилось. Он подкрался к птице сзади, схватил палку и что есть силы ударил обжору; но палка намертво приклеилась к спине орла, а другой её конец приклеился к рукам Локи, и её было никак не отодрать. Орёл поднялся в воздух, с ним полетел и кричащий от страха Локи, задевая ногами вершины скал и деревьев.

Будучи от природы трусливым, он умолял о пощаде, на что орёл ответил, что не видать Локи свободы, если тот не

даст ему клятвы выманить в лес Идун с яблоками. Однако, зная, что клятвы бога лжи немногого стоят, мучитель аса пригрозил: если тот забудет об уговоре, то неизбежно поплатится – орёл его рано или поздно выследит, подхватит когтями, и тогда не будет ему никакой пощады. Локи тотчас согласился; тогда орёл отпустил его, и ас как ни в чём не бывало вернулся к встревоженным спутникам. На вопросы Высокого и Хёнира Локи отвечал, что ему удалось освободиться самому.

В назначенный срок он заманил простодушную Идун в глухую чащу – сделать это королю коварства с его умением нравиться женщинам не составляло труда. Кроме того, Локи поклялся, что нашёл в лесу яблоню с ещё более действенными яблоками, и попросил жену Браги прихватить с собой яблочка два-три из заветного ларца для сравнения. Лишь стоило им углубиться в лес, как налетел орёл – на самом деле под обликом гигантской птицы скрывался инеистый великан Тьяцци. Схватив Идун, орёл унёсся с богиней в страну холода.

После исчезновения хранительницы яблок асам пришлось весьма нелегко, ибо не знали они, где она прячет свой ларец. Вскоре принялись боги сесть и горбиться, лица их покрылись морщинами, а руки уже не могли твёрдо держать мечи. Кто-то из них вспомнил, что видел Идун в последний раз, когда она куда-то шла с Локи. Справедливо подозревая неладное, боги тотчас схватили сына Фарбаути и подвергли

допросу, угрожая, что не останутся перед пытками, если тот будет молчать. Трусость коварного бога дала себя знать и на этот раз: тут же во всём признавшись, Локи поклялся, что готов отправиться в Нифльхейм, если богиня страсти Фрейя одолжит ему соколиные перья для быстрого полёта.

Фрейя, более всех переживавшая за свою внешность, согласилась снабдить его оперением. Локи тотчас направился на север, перелетел горные хребты и оказался в жилище великана Тьяцци, который в то время рыбачил на своей лодке далеко в море. Дома оставалась одна Идун. Локи, применив свой волшебный дар, превратил её в орех, затем, цепко схватив тот орех в когти, отправился обратно.

Вернувшись, Тьяцци обнаружил пропажу. Изрыгая проклятия, великан превратился в орла и ринулся в погоню. Он уже нагонял выбившегося из сил сокола, но вот показалась обитель богов: асы, ожидавшие прибытия Локи, увидели, как тот во весь дух несётся к обители, вышли к её стенам и вынесли с собой ворох стружек. Сокол залетел за стены, и асы тотчас развели в стружках огонь. Орёл, нагонявший сокола, не смог остановиться: от поднявшегося к небу огня у него вспыхнули перья, объятый пламенем, он упал. Боги не дремали и заработали мечами. В итоге Тьяцци настигла смерть.

Беспринципный Локи был замешан ещё во многих делах, но до поры до времени всё ему сходило с рук, несмотря на то что многие его деяния граничили с предательством. Спасе-

ли сына Фарбаути его находчивость, способность мошенника оказывать богам услуги и его хитроумные советы. Пожалуй, только Хеймдалль не вступал с ним ни в какие сделки, предчувствуя, что рано или поздно всё это плохо закончится.

Имя ещё одного бога – Ньёрд. Происходил Ньёрд из рода миролюбивых ванов – соперников воинственных асов. Ньёрд был хозяином ветра, усмирителем огня и воды, знал толк в мореплавании и строительстве кораблей. Поначалу асы и ваны враждовали между собой. Чтобы завершить распри, ваны отдали асам Ньёрда заложником в знак примирения, он так и остался с ними, и асы его полюбили. А женился Ньёрд так: после того как случилась неприглядная история с яблоками Идун, великанша Скади, дочь инеистого великана Тьяцци, в полном воинском облачении пришла к богам мстить за отца. Асы не желали драться с женщиной и предложили ей выкуп, на который она согласилась. Но прежде Скади потребовала, чтобы её рассмешили. Для Локи, главного виновника тех событий, развеселить великаншу не составляло труда: он тотчас нашёл козу, обвязал её верёвкой за бороду, другой же конец намотал себе на мошонку. Тянули верёвку на себя то несчастная коза, то Локи, и оба громко кричали. Какое-то время великанша сохраняла серьёзный вид, хотя все боги вокруг тряслись от хохота. Наконец прохвост Локи не нашёл ничего лучшего, как повалиться Скади на колени, – тут, не выдержав, расхохоталась и она. По условиям соглашения великанша могла взять себе в мужа

любого из богов, но с одним условием: она должна выбрать жениха по ногам, всё остальное скроет от неё плотная занавесь. Скади согласилась: тогда асы скрылись за занавесью, выставив на обозрение лишь свои ноги. Скади взялась выбирать. Приглянулась ей пара удивительно крепких и красивых ног, и, грешным делом, подумала великанша, что такие ноги могут принадлежать Бальдру, на которого она уже положила глаз. Обрадованная Скади указала на них: занавесь тотчас распахнулась и новоявленная невеста поняла, что она одурочена, так как выбрала старого бородатого Ньёрда, особой красотой не отличавшегося, но имевшего стройные ноги. Делать нечего – пришлось Скади согласиться на замужество.

Правда, радости в скороспелом браке великанши и вана не оказалось никакой – скандалы следовали за скандалами. Главная причина раздоров заключалась в том, что жил Ньёрд в чертоге на берегу моря, который звался Ноатун. Скади же во что бы то ни стало желала поселиться на своей родине, в горах, в месте, называемом Трюмхейм, там, где жил её покойный отец. Нашла коса на камень: великанша жаловалась, что терпеть не может шум волн и крики чаек, они-де мешают ей спать, а Ньёрд в свою очередь ни в какую не желал переезжать туда, где во все стороны раскинулись одни лишь безжизненные скалы и по ночам выли волки. Супруги пошли было на мировую, решив, что девять суток они пребывают в Трюмхейме, а на другие девять перебираются в Ноатун, од-

нако прожили так недолго. После очередного визита к мужу Скади наотрез отказалась возвращаться к морю и поселилась в отчем доме. С тех пор часто она вставала на лыжи и отправлялась на охоту, вот почему люди чтили её как богиню лыжников.

Сам Ньёрд ещё до женитьбы на великанше имел двух детей (злые языки поговаривали, что от родной сестры). Сына он назвал Фрейром, или Господином, а дочь, о которой уже говорилось, – Фрейей, или Госпожой. Фрейр стал покровителем дождей и солнечного света, а значит, земных плодов и урожая. Сестра его, золотоволосая Фрейя, взялась потворствовать влюблённым и повитухам, ибо там, где царствует страсть, часто появляются дети, и немало преуспела на этом поприще: люди также любили её и за женственность, и за желание всегда прийти на помощь младенцам. Красота пылкой Фрейи сделалась притчей во языцех – не оказалось на свете богини более прелестной, чем дочь ворчливого Ньёрда. Кроме того, она славилась воинственностью, удивляющей даже Высокого. Повсюду летала неугомонная Фрейя, безбоязненно стоя в своей колеснице и управляя двумя дикими кошками, которые ростом и свирепостью превосходили иных волков. Многие могучие звери, даже такие, как медведи, побаивались и глядеть в сторону тех великанских кошек, когда, понукая и подстёгивая их, проносились Фрейя по лесам и горам.

Издавна дружил с богами Эгир-великан, повелитель мо-

рей, владения которого на океанском дне были самые обширные и богатые из всех владений, принадлежавших асам, ванам и их союзникам. Жена Эгира по имени Ран-Похитительница увлекала в пучину зазевавшихся моряков особой сетью, называемой сетью Ран, прибегая в этом не очень почтенном занятии к помощи девяти своих дочерей. Звали их Небесный Блеск, Голубка, Кровавые Волосы, Прибой, Волна, Всплеск, Вал, Бурун и Рябь.

Из богинь, живущих подле Высокого, самая главная была Фригг, жена Одина, которую звали ещё Матерью Асов, – любимица людей, покровительница брака и семейного очага. Отца её звали Натом, и был он ётуном.

Жила среди асов и богиня Сага, которая обладала даром провидения.

Богиня Эйр являлась искусной врачевательницей, никто так быстро и надёжно не залечивал асам раны, как она.

Богиня Гевьон была юной девой; люди также её любили – она покровительствовала тем девушкам, которые умерли невинными.

Богиня Фулла всегда ходила с распущенными волосами, нося на голове золотую повязку. Кроме того, Фулла повсюду носила с собой ларец Фригг, а также хранила обувь Матери Асов и знала о многих её сокровенных помыслах.

Богиня Съёвн занималась тем, что склоняла сердца людей к любви и потворствовала их желанию сблизиться друг с другом.

Не отставала от неё в умении соединять людей и богиня Лови, которой всегда удавалось добиться от Высокого и Фригг согласия на людской брак, несмотря на то что ранее подобное в отношении тех или иных мужчин и женщин было ими строжайшим образом запрещено.

Богиня Вар ведала обо всех людских обетах и клятвах.

Богиня Вёр была настолько любопытна, что от неё никто ничего не мог скрыть.

Богиня Сюн сторожила двери в палатах асов и наглухо закрывала их перед теми, кому заходить туда было недозволено. Кроме того, к её советам боги всегда прибегали во время споров, когда хотели опровергнуть речи своих противников.

Богиню Хлин асы приставили к тем людям, которых Фригг хотела бы уберечь от опасности: Хлин словно бы невидимым крылом закрывала их.

Богиня Снотра была сдержанна и умна: её именем называли мудрых и уравновешенных женщин.

Ещё одну богиню, которую звали Гна, Фригг, жена Высокого, всегда посылала с поручениями в разные концы света. У богини был конь Ховварпнир, что значит «выбрасывающий копыта»: имя дали коню не случайно, ибо он славился своей проворностью и мог скакать по воде и по воздуху.

Кроме асов и ванов, обитали высоко в небесах существа, называемые светлыми альвами: страну их именовали Альвхейм. Обликом светлые альвы уподоблялись Солнцу, и не было их прекрасней.

Были ещё и тёмные альвы, ликом своим чернее смолы, и проживали они в земле.

Обо всём этом знал Высокий, а Вёльва продолжала пророчествовать. Вот что колдунья спела:

Знаю я ясень,
Называемый Иггдрасиль.
Омыто дерево влагой.
Капает роса с него на доли.
Вечно оно зеленеет над миром.

Высокий кивнул. Людям нужно было найти более-менее безопасное место для жизни, а кроме того, где-то нужно было заселиться и самим богам, ибо ётуны и инеистые великаны только и думали о том, чтобы погубить всё живое. А мир был устроен так: в незапамятные времена вырос посреди пространства исполинский ясень, вознёсся его ствол до Луны и Солнца. Крона ясеня казалась необъятной. Назывался вселенский ясень деревом Иггдрасилем. На вершине дерева, ветви которого задевали Луну и Солнце, лежала небесная страна: асы поселились в ней, решив возвести там свой город Асгард, или Обитель Богов.

Спела Одину Вёльва:

На Идавёлль-поле
Встретились боги.
Стали они

Строить капища.
Создали асы,
Себя не жалея,
Клещи и другие орудия.
Стали ковать сокровища.
Всё у них было
Только из золота.

Высокий кивнул и на это. Нашли боги поле в центре страны, которое назвали Идавёллем, и первым делом воздвигли на том поле Чертог Радости – святилище с двенадцатью тронами и престолом для Всеотца, которое назвали Хлидскьяльвом. На том престоле могли восседать лишь сам Один и жена его Фригг. Создали асы ещё одно святилище – для богинь, такое же большое, и нарекли его Вингольвом. Следом построили кузницу, создали молот, наковальню, щипцы и остальные орудия. Затем принялись ковать из чистого золота разные вещи: и вся утварь, и всё убранство святилищ было у них золотым.

После они возвели себе чертоги – у каждого аса в Асгарде оказался свой чертог: у одних больше, у других меньше. Самые большие владения были у Высокого, но и старший сын не отставал от отца. Дворец бога Тора зовётся Бильскирнир, или Неразрушимый: в нём более пяти сотен палат и он больше всех домов, которые когда-либо были возведены. Тор проводит в нём время, когда возвращается из походов, туда он зазывает на пиры всех асов. У сына Бальдра – Форсе-

ти – палаты зовутся Глитнир: они убраны столбами из золота и крыша их покрыта серебром. Форсети вершит там свои судебские дела. Двор Фригг зовётся Фенсалир и славится своей красотой. Богиня Сага живёт во дворце Сёкквабекк, что значит «погружённая скамья»: двор её поистине великолепен. Фрейя же владеет палатами Сессрумнир.

Светлые альвы тоже имеют свой чертог на третьем небе от Асгарда, которое зовётся Видблаин, или Широкоосинее, где они счастливо проживают.

Людам боги отдали землю, окружавшую вселенское дерево в середине, назвав её Мидгардом, что значит «отгороженное пространство». Обступают Мидгард горные страны Ётунхейм, Нифльхейм и огненный Муспелль – там живут исполины, враждебные асам и людям. Из Асгарда в мир людей протянута радуга, по которой боги спускаются. Называется радужный мост Биврёстом. Называют его ещё Мостом Асов. Переливается мост всеми цветами; красный цвет в нём – это жаркое пламя. Великаны давно захватили бы Асгард, если бы не огонь Биврёста, а так только боги имеют возможность скакать по радуге на своих проворных конях. Имена тех коней следующие: Слейпнир, или Скользящий, конь самого Высокого, а также Весёлый, Золотистый, Светящийся, Храпящий, Серебристая Чёлка, Жилистый, Сияющий, Мохноногий, Золотая Чёлка и Легконогий. Стержёт мост Белый Ас Хеймдалль: его часто зовут Хранителем Радуги. Помогают хранителю громогласный рог Гьяллархорн, оглушитель-

ный рёв которого, если нужно собрать богов, которые разбрелись по земле, долетает до самых её краёв, и волшебное копьё. Рядом с богом сидит петух Гуллинкамби, что значит «золотой гребешок», с которым ас и коротает время.

Что ещё касается Иггдрасиля – возвышается яшень посреди океана, созданного из крови Имира, океан уходит за небесный окоём, там морские воды с шумом и брызгами низвергаются в Бездну. В океанских водах, свиваясь кольцами и вызывая шторма и бури, царствует змей Ёрмунганд. Подобно ётунам и инеистым великанам, он угрожает всему живому и особо зол на людей, осмелившихся выйти в море, но Иггдрасилю до поры до времени змей не опасен. Дерево держится на трёх узловатых корнях. Один корень уходит в небеса к источнику Урд, и ничто там ему не угрожает. Другой корень добрался до Нифльхейма и на самой границе со страной холода упёрся в источник Мудрости, светлый и чистый, струящийся между омытых камней, питьё из которого даёт самое главное на земле богатство – знания. Называется ещё тот родник источником Мимира, ибо сторожит его великан Мимир, в отличие от своих собратьев незлобный и исполненный учёности, что неудивительно, ведь каждый день великан зачерпывает из родника воду и пьёт её, пытаясь утолить великую жажду. Правда, бесполезны его усилия, ибо жажду знаний не утолить никому.

Не могла не напомнить Вёльва Высокому о стороже родника. Вот что она пропела:

Знаю, Высокий, где глаз твой спрятан.
Утонул он в источнике,
Который сторожит исполин.
С тех пор
Каждое утро пьёт мудрый Мимир мёд той воды.

Один вздохнул. Однажды пришёл он к Мимиру и попросил великана дать ему напиться из родника, однако тот, засмеявшись так, что затряслись и горы, и лес, потребовал от главного аса залог. Должен был Высокий оставить свой глаз за один лишь глоток. Гость решил, что мудрость важнее. Не колеблясь, он согласился, и лежит глаз Одина по сей день на светлом и чистом дне. Но залог равноценен: отпив из ключа, напился Высокий знаниями и с тех пор на равных может беседовать со стражем источника. Ну а что касается простых смертных, да и остальных богов, нет среди них того, кто посмел бы с тех пор состязаться с Одином в мудрости. Именно благодаря ей создал и вырезал Высокий первые руны, раскрасив священные знаки собственной кровью. А затем, чтобы постичь их волшебную силу, девять дней провисел он на стволе мирового дерева, принеся себя в жертву и сам себя пригвоздив к Иггдрасилю копьём.

Третий корень ясеня ушёл глубоко под землю, к тёмным норам и пещерам страны мёртвых – Хель. Под третьим корнем продолжает бить поток Кипящий Котёл, изрыгающий множество вод. Там, в глубине земли, вместе с бесчислен-

ными змеями прозябает чёрный дракон Нидхёгг, который в бессильной ярости подгрызает корень в желании повалить Иггдрасиль. Но в ветвях ясеня проживает орёл, зорко следящий за проклятым драконом, а между глаз того орла сидит ястреб по имени Ведрфёльнир. Пока корню ничего не угрожает, орёл переругивается с Нидхёггом. Так как ясень огромен, то ругань обоих не слышна, и тогда на помощь двум заклятым врагам приходит белка по имени Рататоск, или Грызозуб: эта сплетница без устали снуёт по стволу, передавая орлу и дракону проклятия, которыми те осыпают друг друга, а заодно и разносит всевозможные слухи. Стоит только дракону удвоить усилия в попытке свалить благородное дерево, орёл слетает с ветвей и набрасывается на него. И тогда Нидхёгг, шипя, отползает в самую глубокую нору, раны же, нанесённые корню его зубами, затягиваются.

Помимо дракона, доставляют немало неприятностей дереву живущие на нём четыре гигантских оленя: Даин, Двалин, Дунейр и Дуратрор. Олени очень прожорливы и тем опасны, что постоянно объедают листву Иггдрасиля. Лишь то спасает ясень от их неумеренного обжорства, что листья на нём отрастают исключительно быстро. Росу, стекающую с тех листьев, люди зовут медвяной, и ею кормятся пчёлы.

Напомнила Вёльва Одину и о появлении возле ясеня богинь-норн:

Появились девы...

Три норны – богини судьбы.
Первой имя Урд,
Вторую звали Верданди,
Третья назвалась Скульд.
Выбирают с тех пор они жизнь детям людей,
И ткут их судьбы,
И готовят всякому жребий.

Высокий кивнул. Там, где течёт небесный источник Урд, к которому часто съезжаются боги, чтобы возле него вершить своё правосудие, по сей день прядут свои нити норны: Урд, Верданди и Скульд. Каждая нить в их руках – человеческая судьба. Стоит норнам порвать её – неосторожно или по умыслу, – человек тут же умирает. Есть ещё одна обязанность у главных норн: каждый день черпают они из источника воду и поливают ею ясень, чтобы не засох его ствол и не зачахли его гигантские ветви. И всё, что ни попадёт в родник Урд, становится белым, словно самый чистый снег, словно плёнка, лежащая под скорлупой яйца. Обитают в источнике два белых лебедя: от них и пошла порода тех птиц. Кроме трёх главных норн, в мире живут ещё и другие норны: они приходят к только что родившимся младенцам и тоже наделяют их судьбами. И здесь кому как повезёт. Добрые норны наделяют доброй судьбой. Если же человеку в жизни выпадают несчастья, значит, нить судьбы его в пальцах норны злой, которая род свой ведёт не от богов, а от всякой нечисти.

И пела ещё Вэльва Высокому, напоминая о том, как по-

явились карлики:

Боги сели на троны
И стали держать совет,
Как племя карликов сделать
Из костей и крови первого великана.

Кивнул и на это Высокий. После смерти Имира в его теле, ставшем землёй, завелись в изобилии черви. Боги решили дать этим тварям разум и человеческий облик – так зародилось племя карликов. Но живёт оно, подобно тем же червям, в горах, песчаных норах и камнях. Колдунья напомнила Одину: первыми из костей и крови были созданы гномы Модсогнир, что значит «всасывающий силы», и Дурин. За ними появилось множество подобных существ. Перечислила Вэльва тех из карлов, кто заселяет почву:

Нии и Ниди,
Нордри и Судри,
Аустри и Вестри,
Альтьов, Двалин,
Бивур и Бавур,
Бёмбур, Нори,
Ан и Анар,
Оин, Мьёдвитнир,
Гандальф и Вейг,
Виндальв, Траин,
Текк и Торин,

Нюр и Нюрад,
Регин и Радсвинн,
Фили и Кили,
Фундин, Нали,
Хефти, Вили,
Ханар, Свиор,
Фрар и Хорнбори,
Фрег и Лони,
Аурванг, Яри,
Эйкинскьяльди.

Затем взялась за тех, кто проживает в камнях:

Драупир и Дольгтрасир,
Хар, Хаугспори,
Хлеванг и Глои,
Дори и Ори,
Дув и Андвари,
Хефтифили,
Скирвир, Вирвир,
Скафинн и Аи,
Альв и Ингви,
Фьялар и Фрости,
Финн и Гиннар.

Согласно тряхнул бородой Высокий. Сотворённые трудами асов карлики являются знатоками руд и отменными кузнецами: в своих пещерах, в снопах искр, беспрестанно под-

дувая меха, куют они по просьбе богов оружие, но не забывают и о богинях, создавая им невиданные по красоте ожерелья. Кроме того, гномы выделывают из золота необыкновенные кольца, обладающие магической силой. Без устали снуют они в недрах по подземным переходам, освещая путь факелами или прикреплёнными на головах свечами, и всегда готовы прийти на помощь, если о том попросит Высокий. Как и среди людей и асов, среди гномов бывают добрые и злые. Живут карлики намного меньше богов, хотя время своих жизней исчисляють веками. Все они хитры и смышлёны, всё ведают, обо всём наслышаны и стараются не показываться на свет дневной, боясь солнечных лучей, которые превращают их в камень. Сделавшись подлинными мастерами кузнечного искусства, карлики не спешат делиться с другими своими навыками: секреты мастерства хранят они как зеницу ока, вот почему даже Локи не может выпытать ни единой их тайны, хотя подкупом и обманом постоянно пытается сделать это.

Гномам есть чем гордиться. Копьё Высокого по имени Гунгнир было создано сыновьями карлика-кузнеца Ивальди, как и отданный Одину удивительный меч. Они же построили Фрейру корабль Скидбладнир, столь огромный, что хватает на нём места всем богам с оружием и доспехами, и лишь поднимают на Скидбладнире парус, как дует в тот парус попутный ветер, и безостановочно летит тогда быстрый и хищный драккар туда, куда нужно асам. Когда же в Скидбладни-

ре Фрейр не нуждается, то он складывает его, словно простой платок, и прячет в кошель – вот насколько искусно и сложно придуман тот корабль.

Что касается Гунгнира и Скидбладнира, то Локи, однажды заявившись в подземное царство, не на шутку схватился с одним из карлов, а именно с неким Брокком: Локи клялся, что родной брат Брокка, мастер Эйтри, не сможет сравниться с сыновьями Ивальди в искусстве ковать подобные вещи, и выставил в качестве залога свою бедовую голову. Брокк, будучи азартным, позвал брата, передав ему слова Локи. И тогда два карла отправились в кузницу Эйтри. Карлик-кузнец, положив в горн свиную кожу, приказал азартному братцу, у которого хватило ума спорить с таким пройдохой, как Локи, раздувать мехи не останавливаясь, пока он, Эйтри, не вынет из горна то, что там положено. Едва кузнец вышел из кузницы, а Брокк схватился за мехи, поддерживая в горне постоянное пламя, как на руку гнома уселась неизвестно откуда взявшаяся в подземелье муха и принялась её нещадно жалить. Но он, терпя боль, раздувал, пока Эйтри не явился и не вынул из горна первое изделие – то был вепрь с золотой щетиной. Затем кузнец положил в горн золото и вновь велел Брокку не прекращать работы. Только он ушёл, появилась всё та же наглая муха и, усевшись подмастерью на шею, пре-больно укусила гнома. Но и в этот раз, стиснув зубы, карлик не оставил занятия, а появившийся Эйтри вытащил из горна золотое кольцо. В третий раз Эйтри положил в горн железо и

строго-настрого приказал ни под каким предлогом не оставлять мехов, иначе всё пойдёт насмарку. Стоит ли говорить, что муха была тут как тут: уселась промеж глаз несчастного карлика и ужалила его в веко, да так, что кровь залила Брокку глаза. Ничего не видя, он поднёс руку к глазам, чтобы стереть кровь, а мехи между тем опали, и пламя начало гаснуть. Хорошо, здесь явился Эйтри. Кузнец заявил, что чуть было не погигло то, что находится в горне, и вытащил из горна огромный молот.

Кольцо Эйтри затем отдал Высокому, предупредив Одина, что каждую девятую ночь из подаренного им кольца будут капать по восьми золотых колёс такого же веса. Бог Фрейр получил от карлика золотого вепря, который мог бежать и по воде, и по воздуху быстрее любого коня, щетина же зверя светилась так, что даже в полной темноте вепрю было светло. А затем кузнец вручил свой молот, который был назван Мьёлльниром, нетерпеливому Тору, заявив, что этим молотом можно бить с какой тот захочет силой и бросать его по любой цели: сила же молота такова, что пробьёт он любые доспехи и проломит любую голову. И как бы далеко ни улетал молот, он всегда возвратится в руку владельца. А если Тор захочет, то молот делается настолько малым, что сможет уместиться за пазухой. Карлики также сковали Тору Волшебный Пояс, приумножающий силы аса, и Железные Рукавицы, без которых молот было трудно удержать. Боги признали, что самой удивительной вещью является ни копьё,

ни корабль, ни кольцо, ни вебрь, а именно Мьёлльнир, ибо он – надёжнейшая защита от великанов.

Таким образом, Локи проиграл свою голову и бросился к Брокку, предлагая за неё выкуп, но карлик, помня о бедах, которые Локи принёс другим, стоял на своём. «Тогда попробуй возьми меня!» – воскликнул изворотливый бог и моментально исчез, ибо имел башмаки, которые могли переносить его на большие расстояния. Но и Брокк оказался непрост, он пожаловался Тору, и беглец был тут же схвачен. Правда, Локи всё-таки удалось отвертеться: проходимец заявил, что карлику принадлежит только его, Локи, голова, а не его шея.

Между тем колдунья Вёльва продолжила свою великую песнь. Закрыв глаза и покачиваясь, напомнила ведьма Высокому о том, как асы схватились с ванами и что из этого вышло:

Помню я первую в мире войну,
Когда Гульвейг,
Дева до золота жадная,
Пала, пронзённая копьями асов.
Хейд её называли также.
Но постоянно она возрождалась,
Сколько её ни пронзай и ни жги.
Трижды её сожгли, и три раза она возродилась.
Что сделать с ванами?
Стерпят ли асы обиду?
Не выдержал Один,

Метнул он копьё в войско ванов.
Но те оказались сильнее
И победили.
Тогда
Принялись асы совещаться
На тронах своих...

Высокий согласно кивнул на это, хоть неприятно было ему вспоминать о своём поражении. Вот как всё обстояло: в давние времена, о которых уже говорилось, ваны, тогда ещё враги и соперники асов, подослали прямо в чертоги Одина несносную женщину по имени Гульвейг, что значит «сила золота». Та Гульвейг принялась чинить в Асгарде раздор: ворожила и чародействовала «на радость злым жёнам», и не было от неё никакого покоя. Высокий трижды пытался её уничтожить, поражая своим копьём, и трижды сжигал, но всякий раз Гульвейг, или, как её ещё называли, Хейд (обычное имя колдуний), возрождалась благодаря своим заклинаниям. Асы здорово с ней намучились. В конце концов они принялись совещаться и решили начать с ванами войну. По обычаю Один, как предводитель войска, перед началом битвы бросил в ванов копьё. Однако бой асами всё-таки был проигран – именно тогда ваны и предложили побеждённым начать с ними переговоры, прислав заложником Ньёрда и в свою очередь взяв в заложники аса Хёнира. Пришлось Высокому пойти на равноправный союз.

При заключении знаменитого мира слюну асов и ванов

собрали в большой сосуд, из неё появился Квасир, человек-мудрец. Квасир впоследствии странствовал по царству людей, был во многих землях Мидгарда, и не было вопроса, на который он бы не мог ответить. Но недолго было суждено жить умнейшему из умнейших – карлики Фьялар и Галар решили его убить. Два негодяя заманили Квасира к себе потолковать с глазу на глаз о мудрости и совершили своё чёрное дело. Когда же из тела мудреца брызнула кровь, гномы смешали её с пчелиным мёдом: получился напиток, названный ими мёдом поэзии, ибо каждый, кто отпивал из чаши, которую с тех пор зорко оберегали пронырливые и всеведущие рудокопы, становился поэтом и заметно прибавлял себе мудрости.

Сотворив таким кровожадным образом истинную пищу богов, Фьялар и Галар не успокоились. Следующей жертвой карликов стал инеистый великан по имени Гиллинг. Простодушного исполина подельники заманили покататься на лодке и устроили так, что лодка наскочила на подводный камень: в итоге Гиллинг погиб. Родичи Гиллинга, взъярившись, решили пойти на рудокопов войной, желая, если придётся, разровнять все горы и перекопать всю землю, лишь бы только уничтожить ненавистных им гномов. Пришлось Фьялару и Галару идти на мировую с сыном убитого, которого звали Суттунг: он больше всех жаждал мести. Поймав двух мерзавцев, Суттунг отплыл с ними далеко в море и посадил обоих на скалу, которая скрывалась под водой при каж-

домом приливе. Карлики взвыли и сулили великану всё золото, спрятанное ими в горах, но Суттунг не соглашался ни на какие уступки. Делать нечего: в знак примирения гномы передали Суттунгу самое большое своё сокровище – чашу с божественным даром. Суттунг спрятал добычу в горе Хнит-бьёрк, да так хитро, что знала о том, где находится мёд поэзии, лишь его дочь – великанша Гуннлёд.

Высокий не смог стерпеть подобного исхода. Он тотчас отправился в путь в страну холода и, перевалив через горы, пришёл на цветущий луг. Там девять работников великана Бауги, родного брата Суттунга, косили сено. Прикинувшись путником, Один предложил им свою помощь в заточке кос, посетовав на то, что их орудия недостаточно остры: работникам приходится тратить больше сил и за ними остаётся нескошенная трава. Когда косцы согласились, Высокий вытащил из-за пазухи точило и наточил косы, да так, что работники пришли в восторг и пожелали во что бы то ни стало точило купить. Высокий, пожав плечами, сказал, что он не против и продаст точило любому из них, причём за недорогую плату. Среди работников тут же началась ссора, каждый хотел забрать точило себе. «Ну что же, – сказал тогда Высокий, – сделаем так. Подброшу я точило в воздух. Кто первый его схватит, того оно и будет». Один подбросил точило, работники, не выпуская кос из рук, бросились к нему и смертельно порезали друг друга в возникшей давке.

После этого Высокий появился в доме Бауги, назвав себя

Бёльверком, то есть Злодеем, – такое имя пришлось великану по душе, – втёрся к исполину в доверие и остался ночевать у него. Бауги посетовал новому знакомому, что нынче девять его слуг непонятно из-за чего убили друг друга и теперь некому работать на полях и в хлеву. Высокий тотчас предложил себя, взявшись служить за девятерых, а вместо платы попросил один лишь глоток мёда Суттунга. Бауги отвечал, что хоть не он является хозяином мёда, но, так и быть, поможет Бёльверку добыть глоток этого божественного напитка.

Как и было уговорено, Бёльверк батрачил у Бауги всё лето, а с приходом зимы стал требовать платы. Бауги держал слово – хозяин с работником тотчас отправились к Суттунгу, и брат попросил брата помочь ему расплатиться, а именно: дать хотя бы один глоток удивительного мёда, но хранитель чаши наотрез отказался расстаться даже с каплей. После этого Бауги ничего не оставалось делать, как войти в сговор с Высоким, ведь он был связан по рукам и ногам данной клятвой. Решили они взять бурав и пробуровать им скалу, за которой хранился мёд Суттунга. Бауги напряг всю свою силу и взялся буравить. Вскоре он заявил Бёльверку, что дело сделано. Тогда работник подул в отверстие, и в лицо ему полетела каменная крошка. Понял Один, что Бауги лукавит, и потребовал бурить дальше. Великан подчинился. Вскоре Высокий дунул второй раз, каменная крошка отлетела вовнутрь. Один тотчас принял обличье змеи и проскользнул в отвер-

стие. Только тогда осознав, кто был перед ним, одуроченный Бауги бросил в аса бурав, но опоздал.

Проникнув сквозь гору, Высокий нашёл место, где возле чаши с мёдом скучала юная великанша. Ничего не стоило ему соблазнить Гуннлёд. В неге и в отдыхе с ней он провёл три ночи, ибо девица была ненасытна, а затем в три глотка осушил чашу и выпитал весь мёд в себя. Оставалось хитроумному Одину принять облик могучего орла и подняться в небо. Но и Суттунг оказался не лыком шит: увидев летящую над горами птицу, он бросился в погоню, тоже сделавшись орлом. Так один хищник с яростным клёкотом гнался за другим, и летели они до самого Асгарда, где Высокого уже поджидали боги.

Заметив орлов, асы быстро поставили возле ворот огромный котёл. Достигнув Асгарда, Один выплюнул большую часть напитка в тот котёл, а так как Суттунг уже почти нагнал его, то остальную часть выпустил из своего заднего прохода. Остаток мёда, таким образом, разлился по всему Мидгарду, и впоследствии брал ту влагу всякий, кто хотел её взять, но в отличие от собранного в котле истинного мёда разбрызганные повсюду капли помогали всем желающим становиться разве что рифмоплётами, и те, кто питался ими, не имели к искусству скальдов никакого отношения. Вот почему и прозвали мёд, извергнутый из заднего прохода Одина, долей рифмоплётов. Настоящим же напитком богов, оказавшимся в Асгарде, Один впоследствии щедро снабжал асов и тех лю-

дей, которые действительно имели дар к божественному искусству.

Что касается стен и ворот Асгарда, напомнила Вёльва Высокому ещё об одном деле, о котором он сам предпочёл бы не вспоминать. Спела ведьма, покачиваясь:

Попрали боги крепкие клятвы,
Данные тому, кто покусился сгубить небосвод
И взять жену у священных.

Высокий качнул бородой. Увы, и асы не были безупречны! Как только взялись они возводить Асгард, то решили прежде поставить крепкие стены, за которые не смогли бы проникнуть великаны и чудовища. Однако, сгоряча схватившись за стройку, вскоре убедились: работа огромна и с нею им будет не справиться. Сели асы на троны и крепко задумались. Здесь и пришёл к ним один великан, пообещавший создать самую прочную ограду, да ещё и с воротами, которые не смог бы открыть никто, кроме самих богов.

Брался ётун сделать работу за одну лишь зиму, но от асов потребовал неммыслимое: должен был Высокий взамен вручить великану Месяц, Солнце и прекрасную Фрейю, от красоты которой все люди, боги и великаны сходили с ума. Возмутился Один на дерзкое предложение ётуна, но подвернувшийся Локи нашептал ему на ухо, что подобное предприятие за столь короткий срок даже самому искусному мастеру сотворить не под силу, а значит, стоит пойти на сделку.

Так, по совету этого проходимца асы согласились, однако поставили условие: великан должен сделать работу сам, никто из собратьев ему помогать не будет. Срок исполину дали до первого летнего дня. Договор скрепили крепкими клятвами в присутствии многих свидетелей, которых ради этого дела пригласили из Ётунхейма, и ударили по рукам.

С первым зимним днём мастер отправился в самый дремучий лес и взялся валить деревья. Здесь и случилось то, чего боги не ожидали: не успели они оглянуться, как уже целые груды камней и отёсанных стволов оказались в Асгарде. Строительный материал прибывал в огромных количествах, а уж великан знал своё дело: проклятый ётун быстро складывал из валунов и деревьев такие высокие и крепкие стены, что асы не верили своим глазам. Вот где они промахнулись: по договору великаны поклялись не вмешиваться, но помогал мастеру конь по имени Свадильфари, днём и ночью перевозящий на себе брёвна и валуны. Помощь коня позволяла усердному ётуну возводить крепость быстрее быстрого: ему оставалось только прилаживать на свои места балки и камни и надёжно их закреплять.

Так, благодаря Свадильфари стены росли не по дням, а по часам, а боги мрачнели. Когда же до лета осталось всего три дня, дело было лишь за воротами, но и они уже лежали перед Асгардом почти что собранные. Понимая, что вот-вот проиграют, асы вновь взялись совещаться и, злясь на себя и на великана, спрашивали друг у друга, кто дал им столь дурацкий

совет, ведь теперь им только и оставалось, что выдать Фрейю замуж за ётуна, да к тому же ещё и обезобразить небосвод, лишив его Солнца и Месяца. Вспомнив о Локи, схватили его асы и, ругая последними словами, приволокли к Высокому. Лукавец тут же пообещал исправить дело: что касается пакостей, Локи был непревзойдённым выдумщиком.

Вскоре перед трудягой Свадильфари неожиданно появилась белая кобылица. Была она настолько красива, что конь сошёл с ума: прежде послушный, он захрипел, поднялся на дыбы, разорвал упряжь, сбросил на землю поклажу и, несмотря на уговоры хозяина, рванулся следом за кобылицей. Пропадал Свадильфари неизвестно где три дня и три ночи, мастер не успел закончить работу и, поняв, что его обвели вокруг пальца, пришёл в неуёмную ярость. Он потребовал себе Фрейю. Началась распря, и здесь асы обратились за помощью к Тору, который люто ненавидел всех ётунов.

Рыжего бога не надо было долго упрашивать – первый же удар гигантского молота раскрыл строителю череп. Так необузданный ас отправил трудолюбивого ётуна в страну мёртвых, и на этом, казалось бы, всё и закончилось. Правда, ворота пришлось достроить самим, а это значило, что в оставшихся положенных брёвнах не оказалось той крепости, которая была присуща всему остальному. Тем не менее боги хвалили Локи за его необычайную находчивость.

Лишь Хеймдалль, который терпеть не мог проходимца, не разделял общей радости. Хранитель Радуги справедливо

решил, что дело, замешанное на попрании клятвы, добром не закончится. Да и сам Один не особо-то радовался: крепкие стены простака удалось возвести, но асы поступили несправедливо, обманув мастера. Более того, они убили строителя, который знал все тайны постройки Асгарда. И теперь опасался Высокий, не передал ли ётун эти тайны заклётым врагам. Что же касается белой кобылы, в которую обернулся Локи, то она принесла восьминогую жеребёнку, летевшего быстрее ветра, которого Один нарёк Слейпниром. Когда превратился жеребёнок в коня, Высокий больше не расставался с ним.

Спела Вёльва и о девах-валькириях:

Валькирий увидела я,
Из дальних земель спешащих,
То славные девы.
Видела Скульд со щитом,
А также Скёгуль,
Хильд и Гёндуль.
За ними Гейрскёгуль летела.
Вот перечислила я воительниц,
Лихо скачут они.

Один кивнул на это: не мог он обойтись без валькирий. Людское племя сделалось не менее плодовитым, чем племя гномов, и заняло все земли Мидгарда. Вскоре начались между людьми войны, и время от времени сходились в битвах

воины. Род восставал на род, склоки следовали за склоками, ибо всё у людей было как у великанов и у богов. Разгорались кровавые распри между конунгами и ярлами, постоянно обнажались мечи. Всё чаще слышали асы, восседая в Асгарде на тронах, яростные крики сражающихся, свист стрел, треск щитов, хрип и вопли умирающих.

Но Всеотец не препятствовал кровопролитию, напротив, звуки сражений были самыми сладостными звуками для его ушей, ибо, закалённый в битвах с драконами и великанами, Высокий любил войну, как ничто другое. Знал Премудрый: где, как не в схватке, проявляется геройство и доблесть, где, как не в сражении, видна цена любому человеку. Кроме того, он знал великую тайну о бессмертии смельчаков и тем поощрял храбрейших, что после их гибели на поле боя забирал часть убитых к себе в Асгард – вот почему называли Высокого ещё и Отцом Всех Павших. Вторую же часть доблестно погибших, которая была равна первой, Один отдавал воинственной Фрейе: так они воинов между собой и делили.

На самом большом холме в Асгарде построил Высокий великолепный чертог, равного которому по красоте ещё не было, назвав его Вальхаллой. Вели в Вальхаллу ворота Вальгринд, под которыми могли пройти лишь достойные. Перед воротами Один посадил золотую рощу Гласир: по свидетельству асов и побывавших в Асгарде людей, была она самым прекрасным лесом в мире.

Бесконечными казались палаты в чертоге Всеотца, и всё

было в них золотым: и пол, и потолки, и стены. Стояло в покоях бессчётное количество столов и лавок, стены были украшены шкурами, рогами и разноцветными щитами, и каждый день в доме Отца Богов играло лучами солнце. Вечерами велел Всеотец вносить в палаты мечи – они так сверкали, что становилось светло, как днём. Зимой в чертоге пылало такое множество очагов, что было в нём жарко, словно в знойный летний полдень. В Вальхалле и собирались за пиршественными столами все удостоившиеся внимания Одина воины, которые назывались эйнхериями. Там они и веселились день за днём, год за годом, век за веком, а с ними любил пировать и Всеотец, слушая их рассказы о былом и о совершённых ими подвигах.

Иногда кто-нибудь из эйнхериев и прихвастывал, но Один смотрел на людское хвастовство сквозь пальцы, не наказывал за него, только смеялся. А если начинались между пирующими ссоры, то он поощрял пыл спорщиков и не препятствовал поединкам. Высокий любовался ловкостью и сноровкой, с которой эйнхерии начинали биться между собой, ибо попадали в его Вальхаллу лучшие из лучших. Были там берсерки, способные с одной лишь секирой выходить против целого войска и вместо доспехов накидывающие на свои плечи медвежьи шкуры, и ульфхеднары, викинги-волки, которые надевали на себя волчьи шкуры и сражались подобно волкам, и свинфилкинги, воины-кабаны, не менее сильные и хитрые, чем все остальные.

Полно также было в Вальхалле конунгов и ярлов, совершивших на земле много подвигов, но в чертоге Одина знатные и простые сидели рядом, и не было там никакого неравенства. Прислуживали веселящимся за столами эйнхериям валькирии, девушки столь же прекрасные и милые в мирном общении, сколь и свирепые, когда по поручению Высокого отправлялись они на поле битвы забирать павших в Асгард. Обычно невидимые воительницы иногда всё-таки показывались смертным, и не здоровилось тому, кто их видел: то для людей был дурной знак. Звали валькирий Гунн, Рота, Скульд, Скеггьёльд, Труд, Хлекк, Хьерфьетур, Гель, Гейрахёд, Рандгрид, Регинлейв, Скёгуль, Хильд, Гёндуль, Гейрскёгуль.

Жили в Вальхалле и другие девы. С горящими глазами и развевающимися волосами, беспощадные и азартные, летели они по небу на своих призрачных конях, врезаясь в гущу боя и забирая с собою тех, на кого указывал Один. Однако и сам он часто не мог усидеть на месте: едва только доносился до Асгарда шум очередного боя, вскакивал Высокий с трона, седлал Слейпнира и слетал следом за своими посланницами с радужного моста. Любо было ему находиться невидимым посреди самой яростной сечи, любо было выбирать для Вальхаллы новых эйнхериев, и в пылу битвы раздумывал он, кому отдать победу. На чью сторону вставал Отец Всех Павших, та сторона и выигрывала, однако всегда приказывал Один валькириям забирать к себе и мертвецов про-

игравшего стана, если бились те, как полагается храбрецам, так что всем героям после их предсмертных мучений доставалась награда. А вот те, кто не показал себя в битве и пал бесславно, прямиком отправлялись к Хель.

Несмотря на то что храбрецов всё прибывало, всем эйнхериям в Вальхалле Высокого находилось место за столами, где каждый вновь прибывший мог вдоволь есть и пить. Для того чтобы накормить такое множество воинов, повар Высокого Андхримнир каждое утро убивал и разрубал на части волшебного вепря Сехримнира. Затем он клал части в сотворённый карликами медный котёл Эльдхримнир, варил до готовности и подавал эйнхериям, но, несмотря на их неуёмный аппетит, на желание поглощать с утра до вечера мясо и добела обглаживать кости, пищи никогда не убавлялось, более того, к вечеру вепрь вновь становился целым.

Что же касается питья, то коза Хейдрун, которая проживала в Вальхалле, каждый день щипала с Иггдрасиля листья – вот почему из её вымени бесконечно струился мёд, которого хватало, чтобы напоить допьяна всех эйнхериев.

И когда наскучивало храбрецам пировать, брали они мечи и щиты и выходили во двор перед чертогом, схватываясь на радость Одину и другим асам в поединках, беспощадно поражая друг друга, – то было для эйнхериев любимой забавой. Стоит ли говорить, что после тех схваток, в которых крови лилось не меньше, чем в какой-нибудь битве в Мидгарде, убитые, пусть даже разрубленные мечами и секира-

ми, подобно жертвенному вепрю, на части, тут же Всеотцом оживлялись и вместе со своими противниками как ни в чём не бывало вновь усаживались за столы.

Сам Высокий ничего не ел. Восседая на троне перед пирующими, опирался он на своё копьё, часто задумывался и вид имел отрешённый, однако видел и слышал всё, что происходило перед ним. Пищу, которая лежала на его столе, Один время от времени бросал двум волкам – Гери, что значит «жадный», и Фреки, что значит «прожорливый», – довольствуясь только мёдом поэзии.

Что касается тех волков, то глаза их сверкали огнём, клыки же были острее стрел, и никто, кроме самого Высокого, не смел к ним подойти. Гери и Фреки чутко стерегли своего хозяина и брали мясо только из его рук, возлегая по обеим сторонам трона Одина, днём и ночью охраняя его.

На плечах Всеотца часто сидели два ворона, которые с разных сторон нашёптывали богу о том, что происходит на свете. Для того чтобы донести все новости, с раннего утра облетали вороны землю, заглядывали в самые её укромные уголки и не боялись пролетать над морем. Видели птицы всё, что творилось, а слух у воронов был такой, что даже кошачья поступь и шорох ползущей змеи были им слышны. О самой, казалось бы, не стоящей внимания мелочи не ленились они доносить Одину. Звали воронов Хугин, что значит «мыслящий», и Мунин, что значит «помнящий». Так доверял Высокий вещим птицам, что, когда долго они не возвращались,

начинал тревожиться и до тех пор не успокаивался, пока не садились уставшие вороны на его плечи. Клевали они мясо волшебного вепря только из его рук.

Часто в Вальхалле, в палатах, где эйнхерии поднимали свои рога с божественным мёдом Хейдрун, а валькирии без усталости спешили от стола к столу, подливая напиток воинам, обласкивая их взглядами и приободряя словами, возле трона Одина собирались и его сыновья: Тор, беспощадный в сражениях с ненавистными ётунами, но добродушный во время пиров, а также верный Хермод, умный Видар, тихий Вали и, наконец, любимец отца – добрый Бальдр.

О, Бальдр, Бальдр! Незаживающая рана Высокого! Спела Вёльва о боге Бальдре:

И Бальдр, весь в крови,
Смерть свою встретил.
Стал омелы побег острой разящей стрелой
И ужасную рану,
Направленный Хёда рукой,
Бедному Бальдру нанёс.

Высокий вздохнул. Причина его вздоха была понятна ведьме: Бальдр – справедливый и кроткий, которого обожали все женщины, от простушек из Мидгарда до золотоволосых богинь, никому не наносил вреда. Асы и люди называли его Добрым. Когда после зимней стужи спускался Бальдр с моста-радуги в Мидгард и проходил по лесам и долинам, всё

вокруг расцветало, ибо приносил он с собой весну.

Однажды всеобщий любимец пожаловался на то, что в последнее время снятся ему дурные сны, предвещавшие его жизни большую опасность. Боги встревожились. На состоявшемся совете было решено оградить Доброго от любых неприятностей, ибо асы очень им дорожили. И тогда заботливая Фригг объехала все царства, включая Альвхейм, Мидгард, Ётунхейм, Нифльхейм, Муспелль, а также подземелья карликов и даже Хель, взяв клятву со всех без исключения – с растений, камней и живых существ, с воды, огня, воздуха и со всего сущего, – что никто и ничто никогда не принесёт Бальдру никакого вреда. Дали ту клятву металлы, горы, земля, деревья, болезни, яды, змеи, насекомые, рыбы, птицы и даже злобные великаны. После того Бальдр успокоился и настолько пришёл в себя, что с удовольствием начал участвовать в новой забаве: асы метали в него копья, пускали стрелы, бросали камни, рубили его мечами и даже Тор направлял в него свой молот. Бальдру всё было нипочём: стрелы от него отскакивали, мечи не ранили, молот каждый раз возвращался к Тору, не причинив увечий тому, против кого был задействован, и всё это очень смешило и Доброго, и всех асов. Дошло до того, что боги частенько стали собираться на поле перед Асгардом и, словно дети, с утра до вечера предавались этой забаве.

Один Локи не радовался. Приняв образ старухи, сын лжи и обмана напрямиком направился к Фригг. Богиня, увидев на

своём пороге старую женщину, завела с ней приветливый разговор. Гостья, словно невзначай, поинтересовалась, что там поделывают боги на поле перед Асгардом. Фригг ответила: они занимаются безобидной игрой – стреляют из лука и метают копья в Бальдра, но это не приносит ему никакого вреда. «А всё оттого, – добавила Фригг, – что я взяла со всего сущего на свете клятву не причинять зла Доброму». – «Вот как! – воскликнула старуха. – Все ли дали такой обет?» Фригг задумалась и вспомнила: «Растёт к западу от Вальхаллы побег, который зовётся омелой, но он настолько хил, мал и тонок, что мне показалось смешным брать с него клятву».

Загорелись глаза гостьи, однако Фригг того не заметила. Стоит ли говорить, что, едва покинув чертог богини, Локи со всех ног бросился к тому месту, вырвал росток с корнем и тотчас отправился на поле. Там, в стороне от асов, обступивших красавца Бальдра, скромно стоял бог Хёд. Добряк участия в игре принять не мог: вот он-то и был мерзавцу нужен.

Как ни в чём не бывало Локи спросил простодушного Хёда: «Отчего ты не метнёшь что-нибудь в Бальдра?» На что простак отвечал: «Я слеп, поэтому не знаю, где он стоит, да и нет у меня ни копья, ни меча, ни лука». – «Всё же метни что-нибудь и уважь Бальдра, как и другие асы. Я укажу тебе, где он находится». – «Что же я буду в него метать?» – спросил Хёд. «Да хотя бы прут, который я тебе дам», – откликнулся Локи и всучил слепому росток. Хёд послушно метнул омелу в том направлении, которое указал ему Локи, и случилось

невероятное: росток пронзил Бальдра насквозь, смерть всеобщего любимца была мгновенной.

Все на поле оцепенели от ужаса, язык отказался асам повиноваться, руки их опустились. Боги поняли, что произошло колдовство. Когда же сам Высокий узнал о случившемся, он, как и другие обитатели Асгарда, онемел от горя.

Но вот к скорбящим вернулся разум, взяла слово безутешная Фригг и спросила: кто из богов хочет снискать её любовь? Для этого нужно отправиться в царство мёртвых к владычице царства великанше Хель и умолить повелительницу усопших, один вид которой внушает ужас, ибо до пояса она – прекрасная женщина, а ниже пояса – скелет, выпустить Бальдра назад. Вызвался сын Одина, удалой Хермод – он поклялся, что выполнит поручение. Тотчас вывели к нему коня Слейпнира, и Хермод не мешкая отправился в путь. А мёртвого Бальдра подняли и перенесли на морской берег – там уже ожидала его ладья Хрингхорни.

Боги решили спустить ладью в океан и устроить на ней погребальный костёр, но та не хотела трогаться с места, как ни пытались её подтолкнуть. Тогда, отчаявшись, асы послали в страну холода за великаншей по прозвищу Хюрроккин, или Сморщенная От Огня. Великанша приехала верхом на огромном волке, а вместо поводьев держала в своих лапах ядовитых змей. Её волк был настолько свиреп, что, когда Высокий приказал четырём самым могучим берсеркам придержать его, они не смогли с ним совладать, пока не повалили на

землю. Хюрроккин же грубо толкнула ладью: из-под катков посыпались искры, задрожал берег. Разгневанный подобной неучтивостью Тор, люто ненавидевший великанов, схватился за свой молот, чтобы разбить Хюрроккин голову, но боги его удержали. Потом они приготовили Бальдра и умершую от горя его жену Нан-ну, у которой разорвалось сердце, к последнему плаванию и разожгли погребальный костёр. Рыжеволосый Тор никак не мог прийти в себя и пребывал в ярости. Не поздоровилось карлику по имени Лит, случайно пробежавшему мимо, – бог грозы и молнии пихнул его ногой в костёр, и карлик сгорел.

Множество разного народу сошлось в тот вечер на берегу, так как Бальдра помнили все. Прежде стоит сказать о богах. Были там Высокий с валькириями и с ними безутешная Фригг. Фрейр прибыл на колеснице, запряжённой вепрем Золотая Щетина. Бог радуги Хеймдаль прискакал на коне Золотая Чёлка. Принеслась красавица Фрейя, нещадно подстёгивая своих диких кошек. Пришли, на время заключив перемирие с асами, инеистые великаны, все как один огромные, поросшие волосами, словно скалы, покрытые мхом – ледяной холод исходил от них. Прибыло множество ётунов, и явилось бессчётное количество карликов и других существ – и злых, и добрых – все они знали Бальдра и желали с ним проститься.

Хермод тем временем без усталости скакал на Слейпнире. Достиг он наконец тёмной реки Гьёлль, которая разделяет

живое и мёртвое, и вступил на светящийся мост, выстланный золотом. Дева Модгуд, охранявшая мост, поведала, что недавно проезжали по мосту пять полчищ мертвецов, направляясь в страну Хель, но одинокий путник грохочет так же, как все они, вместе взятые, хотя на мертвеца и не похож. Что же привело его сюда? «Нужно мне разыскать Бальдра, – отвечал посланец асов. – Кстати, не проезжал ли он по мосту?» Дева подтвердила, что Бальдр ранее пересёк мост, и рассказала, что дорога в Хель идёт вниз и к северу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.